

Бессменная вахта

Фантастический рассказ

По расписанию мы должны были прилуниться, когда граница между освещенной и погруженной во мрак сторонами Луны проходила через центр кратера Тихо. Зрелище было отменное: равнины с будто выгравированными на них чернильно-черными, резко очерченными тенями и залитые светом вершины гор... Но я выбрал бы для посадки другое время. Вообще-то, посадка теперь не так сложна, как бывало, а опасность прилунения на ночной стороне практически сведена к нулю автоматикой, однако я предпочитал видеть собственными глазами, куда садится мой корабль. Поэтому я сделал два орбитальных облета и только тогда, когда площадка очистилась от теней, погасил скорость, повернул корабль основанием к лунной поверхности и передал управление радарной.

Посадка прошла гладко, мы почти не ощутили толчка.

Дьюмэрест по своему обыкновению со вкусом потянулся; Френч, третий член экипажа, убрал инструменты, сделал последние отметки в бортовом журнале, и к тому времени, когда Дьюмэрест выключил систему и проделал все, что требовали правила техники безопасности, Френч был готов к переходу в монитор. Зажав под мышкой папку с декларациями груза, судовыми документами и журналом, я присоединился к ним у двери тамбура. Личных вещей у каждого из нас было немного, потому что тогда на космолетах еще ограничивали вес багажа, провозимого бесплатно, а кому охота выкладывать деньги за лишние килограммы.

К нам подполз космопортовский монитор, соединился с корпусом корабля пластиковым переходником, края которого плотно прижались к металлу обшивки вокруг выхода из тамбура; покончив с этим, монитор просигналил и стал ждать, пока мы разгерметизируем люк и выйдем из корабля. Водителем оказался Герман; он приветственно кивнул мне, когда я опустился на соседнее сиденье.

— Удачный рейс?

— Рейс как рейс, ничего особенного.

Ремонтная бригада перешла на корабль и захлопнула за собой дверь люка. Герман задраил наш отсек, открыл клапан, выпустил из переходника воздух, отвел его от корабля и направил монитор к куполу космопорта.

Во время переезда все молчали. Для Германа он был каждодневной рутинной, для нас же — концом путешествия, моментом, когда предпосадочное напряжение неизбежно сменяется резким внутренним спадом. Недели две нам предстояло слоняться без дела, трепаться, осматривать какие-нибудь достопримечательности; можно было даже успеть слетать на Землю. Потом — снова в космос, на Марс, Венеру, а то и на Меркурий; такая уж работа у водителей межпланетных грузовиков: нянчимся с продовольствием и машинным оборудованием на пути к самым отдаленным уголкам солнечной системы, а обратным рейсом везем ценные минералы. Я занимался этим уже пятнадцать лет, и жизнь мою все глубже засасывала трясина обыденности.

Монитор остановился под внешним куполом космопорта.

— Интересно, он все еще там? — произнес Дьюмэрест, первым протискиваясь к выходу из монитора.

Френч пожал плечами.

— Все может быть, если только он за наше отсутствие не отдал концы. А как по-твоему, Фрэнк?

Я не ответил.

— Прилетишь, а он тут как тут, — сказал Дьюмэрест. — До того дошло, что теперь я прямо жду не дождусь свидания со старым Торном. Будто мне светит встреча с Землей, с тем, на что можно положиться.

Мы вошли в большой зал космопорта, где размещались стойки для оформления разного рода документов.

— Он здесь. Все такой же и на том же месте, — сказал Дьюмэрест и ухмыльнулся. — Кто-кто, а старина Торн никогда не подведет.

Торн стоял у выхода из зала, в начале коридора, который вел к жилым помещениям космопорта. Не человек, а живые мощи, иссохший, поблекший, сгорбленный, невзирая на небольшую силу тяготения, с лысеющим черепом, едва прикрытым редкими прядями выцветших волос, с кроткими, тоскующими глазами одинокого, заброшенного щенка.

Я чувствовал на себе взгляд этих глаз, отдавая декларации груза одному чиновнику, а судовые документы — другому. Эти глаза проводили меня до двери пункта радиационного контроля; они ждали меня, пока я, уплатив пошлину, не вернулся с таможни.

Кроткие глаза, глаза, выражавшие неиссякаемое терпение, они пристально вглядывались в каждого прибывшего на Луну человека. Потому что каждый, кто прилетал на Луну, непременно попадал в этот зал, а все корабли, державшие курс к Земле, всегда садились в районе кратера Тихо.

Большинство, равнодушно скользнув по нему взглядом, сразу же о нем забывали. Некоторых, как Дьюмэреста, он чем-то заинтересовал, и возможно, эти люди терялись в догадках, пытаясь объяснить себе его постоянное присутствие в большом зале космопорта. Что до меня, то я знал точно, почему он стоит здесь и всматривается своими кроткими глазами в бесконечный поток лиц.

Он ждал тут своего сына.

Рисунки В. КОЛТУНОВА

— Фрэнк.

Я уже взял разгон, чтобы проскочить мимо, но он шагнул мне навстречу — худые пальцы схватили меня за руку, а в кротких глазах был все тот же извечный вопрос.

Я отрицательно покачал головой.

— К сожалению, ничего нового.

— На борту не было ни одного пассажира? Никого, кроме экипажа? Так-таки никого, Фрэнк?

— Нас было только трое.

Я кивнул на Дьюмэреста и Френча, которые как раз проходили мимо, спеша в гостиницу, где их ждал душ и полный отдых от трудных корабельных будней. Есть экипажи, члены которых проводят время между полетами вместе, но наш к таким не относился. Я был почти уверен, что до взлета не увижу их, разве что нас где-нибудь сведет случай.

— И теперь ни одного корабля целых три дня.

Рука Торна соскользнула с моей. Он знал расписание полетов не хуже диспетчеров.

— А на Марсе вы... Понимаете, о чем я?

— Мы сели в Холмстоне, — сказал я. — Пробыли там двое суток, ровно столько, сколько нужно, чтобы выгрузиться и принять на борт новый груз. Я знаком со всеми тамошними поселенцами, и с мужчинами, и с женщинами.

— Ну конечно. — Он смущенно мигнул. — Я ведь только подумал, а вдруг...

— Ну рассудите сами, — сказал я. — Марс — это та же Сахара. Человек не может бродить по пустыне годами. Ему долго не просуществовать за пределами поселения — без пищи, без воды, без воздуха, который там слишком разрежен.

— Да, наверно...

Он уже шел рядом со мной по коридору. Его общество было мне поперек горла, но я не мог придумать, как от него отделаться. Вначале я разговаривал с ним из жалости, потом — по привычке, а теперь делал это чисто механически, словно бы по обязанности. Я отвечал ему всегда одно и то же, однако, выслушав меня, он всякий раз оставался при мнении, что я, видимо, что-то упустил, в чем-то не прав.

Я предупредил его следующий вопрос:

— Венера тоже отпадает. Условия там похуже, чем на Марсе. Или жизнь в поселении, или верная смерть.

— А как с Меркурием?

— Никаких шансов.

Мы дошагали до конца коридора, и перед нами открылись улицы выстроенного под куполом города. Я вошел в служебную гостиницу, заплатил за ключ и двинулся по проходу к своему номеру. Номер был мал и тесен: койка, стул и небольшой шкафчик — вот и вся меблировка. Он больше смахивал на тюремную камеру, но зато дешево стоил. Я бросил дорожную сумку на койку и повернулся к старику.

— Вы попусту тратите время, Торн. Почему вы не желаете примириться с тем, что это делодохлое?

— Не могу. — Он опустил на стул и принялся разглядывать свои руки. — Вы этого не понимаете... да и все остальные тоже... Но мне необходимо повидаться с Тони.

— Зачем?

— Я хочу ему кое-что сказать.

— Только для этого?

Должно быть, я не совладал со своим голосом, потому что он быстро вскинул на меня взгляд.

— Нет, — тихо сказал он. — Не только для этого. Он же мой сын.

Слова словами, но надо было слышать, как он их произнес. То был голос одержимого, которого ничем не разубедишь. Я расстегнул на сумке «молнию», достал из нее туалетный прибор, смену нижнего белья, какие-то безделушки, которые я неизвестно для чего возил с собой, и разложил все это по комнате. Старика я обходил взглядом; если он собирался сказать что-нибудь еще — его дело. Но я все-таки надеялся, что обойдется без этого.

— Шестнадцать лет, — проговорил он. — Какой же это большой срок.

— Слишком большой. — Я швырнул пустую сумку в шкафчик и захлопнул дверцу. — Вполне вероятно, что его давным-давно нет в живых.

— Это исключено! — Он отверг мое предположение с почти оскорбительной резкостью.

— Но почему? — Я уже начал терять терпение. — В ранний период освоения космоса погибло множество людей. Откуда вы знаете, что он не попал в их число?

— Я имею точную информацию о каждом человеке, который умер вдали от Земли. — Выражение моего лица вызвало у него улыбку. — Это стоило денег, Фрэнк, но я ведь достаточно богат и отдал бы все до последнего пенни за то, чтобы еще хоть раз увидеть моего мальчика.

Я молчал. А что, спрашивается, я мог бы ему на это сказать? Я хотел только одного — чтобы старик наконец встал и ушел.

Но не тут-то было: он остался и в который уже раз поведал мне, как оно все произошло. Лучше б он этого не делал:

Тони Торн был молод и горяч, с мечтой в сердце и глазами, которые сияли светом далеких звезд. Мать его умерла; отец отказался пойти ему навстречу и не разрешил записаться в Школу Космонавтов. Это привело к тому, что юный Тони обокрал отца и, прихватив все добытые таким путем деньги, сбежал из дому. Обычная для того времени грязная история шестнадцатилетней давности. Ничего из ряда вон выходящего — ничего, кроме последовавших за этим событий...

— Мне хотелось бы снять с него ту старую вину, — проговорил старик. — Я пытался забыть его, но это не в моих силах. Меня не оставляет мысль, что он где-то в космосе или на одной из планет. Быть может, он женат и обзавелся детьми — это ведь мои внуки. Я хочу найти его и сказать, что я все осознал и прощаю его. — Он заглянул мне в лицо все теми же кроткими, терпеливыми глазами. — Это вы в состоянии понять?

— Лично мне ваши чувства понятны, — осторожно подбирая слова, ответил я. — Но вот вы — вы отдаете себе отчет в том, что может чувствовать он сам? Он убежал из дому шест-

надцать лет назад и за все это время не написал вам ни строчки. Вам никогда не приходило в голову, что он не желает вас больше видеть?

— А если его удерживает страх? Я ведь когда-то был очень строг и не давал ему спуску.

— Шестнадцать лет — большой срок, — упорствовал я. — За такой долгий период человек способен многое забыть.

— Только не своего отца.

— Почему вы так в этом уверены? Ведь именно вы своей неуступчивостью толкнули его на преступление. Вы лишили его права избрать тот путь в жизни, о котором он мечтал. А теперь, когда с возрастом характер у вас стал помягче, вам приспичило найти его, чтобы выразить свое сожаление по поводу того, что тогда произошло. Хотите знать мое мнение? По-моему, вы самый натуральный эгоист. Вот вы кто.

— Возможно, — медленно проговорил он. — Сдается мне, что этим грешат все родители. — Он внимательно посмотрел на меня. — Сколько вам лет, Фрэнк?

— Тридцать три года. А что?

— Тони должно исполниться столько же в его следующий день рождения. Сейчас он, верно, очень похож на вас — те же волосы, те же глаза. — Старик вздохнул и покачал головой. — Значит, вы не встречали его, когда учились в той Школе, а?

— Нет.

— Это точно? Он был очень рослым для своего возраста, увлекался спортом. У него были темные вьющиеся волосы и улыбка — как солнечный луч, пробившийся сквозь облака.

— Торн, вы хорошо представляете себе то время? — Я заставил себя взглянуть ему прямо в глаза. — Государственные школы были, конечно, на высоте, но вам известно, как обстояло дело с ребятами, которые не могли в них попасть и должны были платить наличными за путевку в космос? Они или выучивались сами, или погибали. Сейчас положение изменилось, все учтено, все пришло в норму, но тогда это был сущий ад. И вы считаете, что ваш сын поблагодарит вас за то, что по вашей милости ему пришлось столько выстрадать?

— Он же сам к этому стремился, — возразил Торн.

— Нет, это вы заставили его так поступить. — Я набрал полные легкие воздуха. — Кстати, у вас даже нет никаких доказательств, что он, сбегав из дому, отправился в космос.

— Он не мог поступить иначе, — сказал старик. — Только для этого он и украл те деньги.

— Вот почему вы стоите там, в зале, и пялите глаза на всех, кто прилетает на Луну?

— Это единственное, на что я способен. Я ведь слишком стар, чтобы самому пуститься на поиски: меня не пропустит медицинская комиссия. Тони мог поменять имя, раздобыть другие документы, сделать все, что угодно, и, кроме меня, никто не сумеет его найти. Но когда-нибудь он обязательно вернется домой. И я его встречу.

— Вы сумасшедший. — Я встал, сделал два шага и остановился у металлической стены номера, вперив взгляд в ее гладкую полированную поверхность. Спустя какое-то время я повернулся лицом к старику. — Сумасшедший! Слышите? Сколько

вы уж тут простояли? Два года? Три? А о нем ни слуху ни духу. Почему вы не возвращаетесь домой?

— Я вынужден остаться здесь навсегда. Мое сердце не выдержит перелета на Землю.

— Выходит, вы будете здесь болтаться, пока не умрете, так?

— Да, Фрэнк, — спокойно ответил он. — Выходит, что так.

— А до тех пор намерены торчать в том зале и осматривать всех вновь прибывших. Год за годом вы будете стоять на своем посту, и, когда б я ни прилетел, мне не миновать встречи с вами. Так, что ли?

— Да, — повторил он. — Выходит, что так.

— Уйдите, — сказал я. — Уйдите и оставьте меня в покое.

После его ухода эта клетушка больше чем когда-либо напомнила мне тюремную камеру. Я немного посидел, потом, захватив туалетные принадлежности, прошел по узкому коридору в общую ванную комнату. Там я принял душ, побрился и совершил все, что, как принято считать, освежает человека и пробуждает в нем вкус к жизни. Для меня же это было потерей времени, не больше.

Развлечения на Луне состояли главным образом из занятий разными видами спорта в закрытом помещении. И хотя предприимчивая фирма предлагала желающим еще альпинизм и катание на специальных лыжах по пылевому покрову равнин, меня не привлекало ни то, ни другое. Я выпил в баре стакан виски, принялся за второй, и в это время в дверь заглянул Дьюмэрест. Он увидел меня и, потоптавшись на пороге, куда-то исчез. Ничего удивительного — Дьюмэрест любил поддать как следует, и я ему в собутыльники не годился.

На борту корабля, где не держат спиртного, я мог себе позволить расслабиться. В баре же, зная, как алкоголь развязывает языки, я должен был постоянно быть начеку.

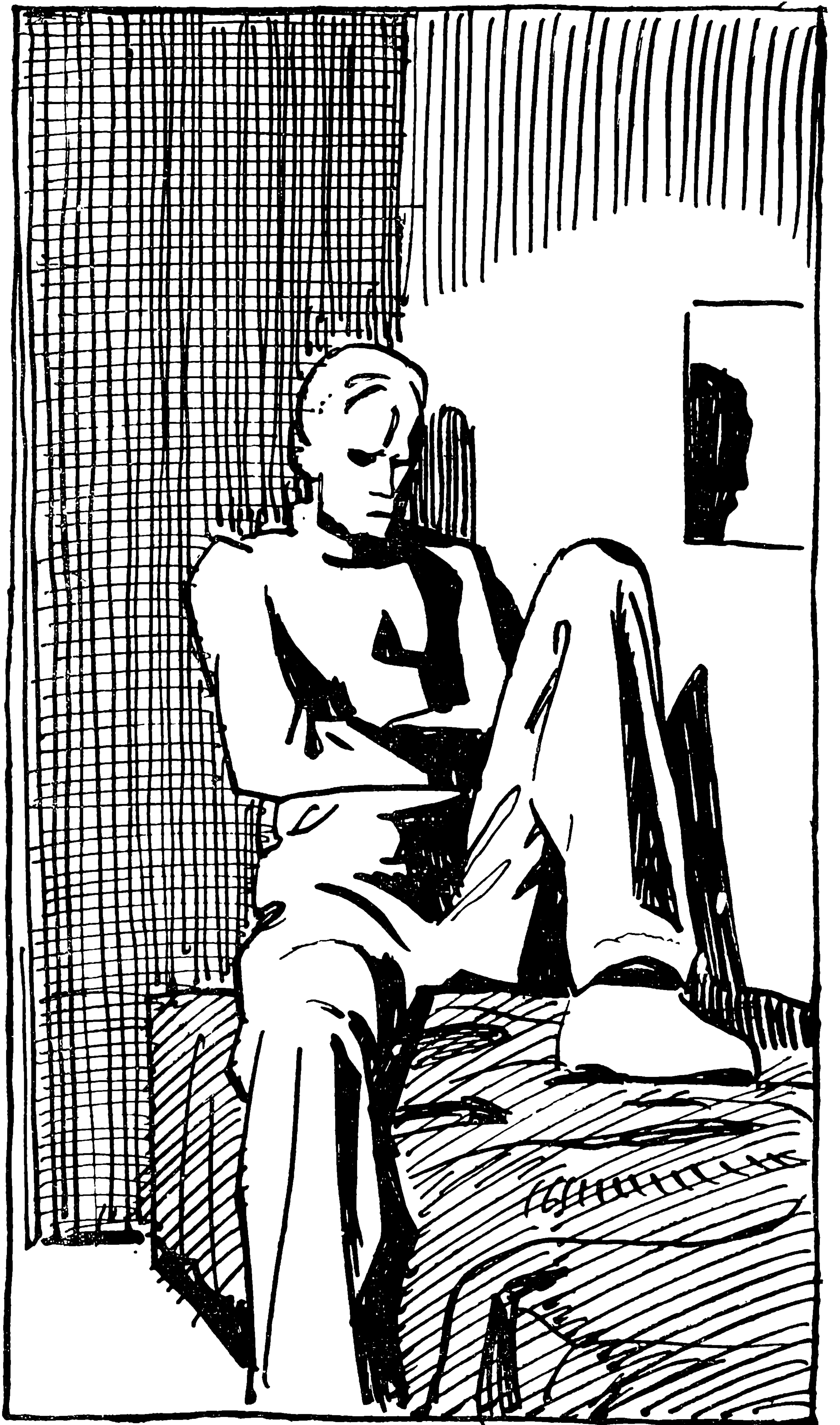
Я был начеку уже шестнадцать лет.

В одиночестве я одолел еще два стакана виски и, почувствовав, как из желудка по телу стало разливаться тепло, опустил монеты в прорезь киноавтомата и вошел в темную смотровую кабину.

Трехмерный фильм был стандартной мелодрамой; главные действующие лица — какой-то юноша, его старая седовласая мать и собака. Сюжет убогий до предела, зато оформление — по первому разряду: я вдыхал аромат хвои, слышал шепот ветра в ветвях деревьев, видел, как по небу величественно плывут облака, и ощущал на руках и лице влагу капель искусственного дождя.

Я словно перенесся на Землю и окунулся в живую зелень родной планеты. Планеты, которую я ни разу не посетил за период, почти равный половине уже прожитой мною жизни.

Фильм начал меня раздражать. Глаза собаки вернули мои мысли к Торну. Седая старуха мать напомнила мне о молчаливом человеке, который, ни на миг не теряя надежды, бдительно нес бессменную вахту в большом зале космопорта. А темноволосый паренек с улыбкой, подобной пробившемуся сквозь облака солнечному лучу, вызвал в памяти события, о которых лучше было бы не вспоминать.

Вернувшись в свой номер, я сел на койку и медленно обвел взглядом металлические стены.

Сходство этого помещения с тюремной камерой было случайным, но факт оставался фактом. Комната, в которой я находился, отличалась от настоящей тюремной камеры только тем, что я мог в любое время открыть дверь и выйти из нее.

Выйти, чтобы сменить это место заключения на другое — космический корабль, летящий в межпланетном пространстве, металлическое яйцо, которое изолирует человека от внешнего мира куда надежнее, чем тюрьма.

Я встал и с неприязнью глянул в зеркало, вделанное в стену напротив шкафчика. Зеркало было большое, в нем можно было увидеть себя всего, с ног до головы. Я злобно посмотрел на свое изображение: исчерченное шрамами лицо, седеющие волосы, затравленный взгляд. Глаза человека, хранящего тайну, которая должна навсегда остаться при нем.

Некоторые люди, совершив преступление, способны намертво об этом забыть. Но есть и другие — те, кто идет на преступление во имя осуществления какой-то мечты. Они потом терзаются муками совести до конца своих дней. И без Торна было несладко, а теперь стало почти невыносимо. Всякий раз, совершив посадку, я ощущал на себе терпеливый взгляд его кротких глаз, напоминавший мне о том, что только я, я один, могу положить конец его бессменной вахте.

Но он простоит там до самой смерти, будет все ждать, ждать, встречая меня в конце каждого рейса. А человек, поселившийся на Луне, живет долго, очень долго.

Я разразился проклятиями, но легче мне не стало. Я проклял тот финт судьбы, который свел меня, бредившего космосом юнца, с мальчишкой, бежавшим из дому в погоне за той же мечтой, но имевшим деньги, чтобы превратить эту мечту в действительность. Я проклял тот булыжник, хрупкий череп, те обгаренные кровью деньги, которыми я заплатил за шестнадцать лет ада.

И полные терпеливого ожидания глаза его отца.

Перевела с английского С. ВАСИЛЬЕВА